

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №5 2020 ГАЗЕТА

Анатолий Салуцкий / Немой набат

САЛУЦКИЙ Анатолий Самуилович

родился в 1938 году в Москве.

Окончил Красноярский институт цветных металлов и золота (1961). По базовому образованию ядерный инженер. Как журналист работал в «Комсомольской правде», «Вечерней Москве», «Литературной газете», а также в журнале «Советский Союз». С 1974 года занимается исключительно литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР с 1979 года. В 1986 году выпустил первую в стране книгу о перестройке «На апрельских ветрах».

Был экспертом Конституционного суда на процессе по т.н. «Делу КПСС». Публиковался в газете «Правда». Читал лекции в Гарвардском университете и Институте Кеннана (Вашингтон).

Роман Салуцкого о богоизбранности «Из России, с любовью» («РГ» № 23, 24 за 2007) получил первую премию на конкурсе РГБ в номинации «Большая проза». После выхода в свет этого романа стал глобальным экспертом «Альянса Цивилизаций» ООН, посетил многие страны мира (от США и Бразилии до Австралии, Гонконга, Макао, включая широкий круг европейских стран).

Много лет Салуцкий был секретарем Союза писателей России. Автор сотен публицистических статей и около сорока книг.

Лауреат премии завода «Атоммаш» (1980), Премии Ростовского обкома КПСС (1981, 1982), премий Союза писателей РСФСР и СССР.

«Поэта отпевают соловьи...»

К 100-летию со Дня рождения поэта А. И. Фатьянова

Есть у нашего народа стойкий запрет: сорокалетия не отмечать. Было ли торжество в доме Фатьяновых 5 марта 1959-го, кто теперь скажет. А вот до своего 41-го дня рождения Алексей Иванович не дожил. 13 ноября разорвалась аорта.

«Дописана строчка, и окна сквозят синевой. Последняя точка чернеет, как след пулевой...». Накануне черного 13-го Фатьянов дописал поэму «Хлеб». Четырежды прочитал вслух близким, дома и по телефонам. Единственный белой список ее пропал в дни похорон. Восстанавливали по памяти, да разве все легло, как задумалось поэтом! Где-то теперь они, эти бесценные странички? У кого?

Спустя пятнадцать лет, в 1974-м, «родились» вязниковские песенные праздники. Это был вдовый подвиг той «русой девушки в кофточке белой», фатьяновской «ромашки», Галины Николаевны. «Приняв сердечную печаль», до самой своей кончины была

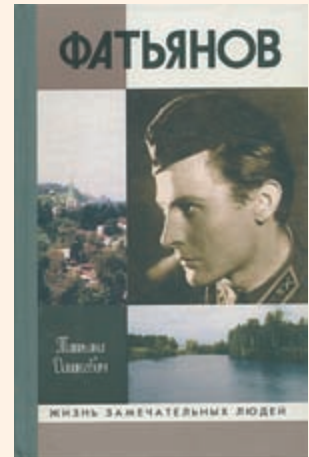
она и организатором, и хлебосольной хозяйкой, и компетентным специалистом по истории советской песни (вспоминаю ее полуторачасовой радиозефир у Николая Мельникова — то был мастер-класс!). Даже смерть свою Галина Фатьянова «отложила»: в воскресенье 21 июля 2002 года разъехались вязниковские гости, а 22-го ее не стало.

А вот «фатьяновское братство» — круг литераторов и исполнителей — Галина Николаевна оставила после себя в отлично работающем составе. Деятельно поддержала и местная, и областная власть. Честно и талантливо послужил русской песне «поющий мэтр» — вязниковский градоначальник Виноградов. На высоте был и Союз писателей России. В Вязниках открылся едва ли не единственный в стране Музей песни XX века (теперь уже и XXI-го).

Много было друзей-приятелей у широкого русского человека Алексея, с бытком — ревностных и тай-

ных недоброжелателей. Куда меньше истинных друзей: Смеляков, Лисянский, Боков, Старшинов, Алексей Марков, Семернин, Луконин, Доризо, Николай Симонов, Виктор Полторацкий... Самый близкий — прозаик Сергей Константинович Никитин, «золотая страница в русской речи» (В. Солоухин). Кончина Фатьянова свалила его в инфаркт и, оставив без лучшего друга, осиротила безвозвратно.

А теперь о насущном. Завершен Год столетия великого русского поэта-песенника. Уже никто не оспаривает высоких дефиниций. Поют фатьяновские песни и мэтры эстрады, и молодые экспериментаторы (здесь, впрочем, «вешняя черемуха» легко заменяется «вишнею-смородиной», увы, зрители безвинно страдают от отсутствия текстов у шустрых исполнителей). Посетуюем, что не переиздавалась с 2004 года великолепная по материалу и тонкая проникновенная в фатьяновскую поэтику книга Татьяны Дашкевич в се-

рии ЖЗЛ «Алексей Фатьянов». А ведь нет ее даже у букинистов!

В последние свои сроки приехала в Вязники поэтесса Лариса Николаевна Васильева. Стала лауреатом премии «Соловьи, соловьи...» за 2014 год. Родились тогда ее горькие строки: «...прохожу, ни о чем не печалюсь, посередине зимы. Это не страшно, что мы не встречались. Страшно, не встретимся мы».

Елена РУСАКОВА

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2020
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.roman-gazeta-1927.ru

Подписные
индексы издания:
в каталоге агентства

«Роспечать»
70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №5 /1850/ Основана в 1927 г.

Анатолий Салуцкий

Немой набат

1

— Прими, Господи, прах его с миром. Дозволь сказать последнее прости. Память о тебе будет светлой.

Дмитрий Шубин после литии в кладбищенской церквушке начал говорить у развёрстой могилы стёртым ритуальным шаблоном, но печалуюсь искренне.

Тяжёлую весеннюю землю копальщики круто швыряли по одну сторону могилы. Чтобы опустить гроб, кинули вдоль пару грязных досок. Старшой, знавший, что скудные похороны сводят к дежурным причитаниям, сноровисто шагнул на гнутый настил, подал напарнику верёвочные концы.

— Заводи...

Но Шубина покорила торопливая кладбищенская деловитость. Он поморщился, дёрнул рукой старшому. Тот притормозил приготовления, и Дмитрий продолжил громко, отчётливо:

— Степан Степаныч Соколов-Ряжский, царствие ему небесное, прошёл жизнь достойно, хотя задача сделать человека счастливым не входит в план сотворения мира. Зато в жизнеустройстве его не было червоточин. Но особо хочу изложить, что покойный в тяжкие минуты, выпадающие человеку, умел подставить плечо, вырвать из бездны отчаяния. У его последнего пристанища мы, брошенные в водоворот новой эпохи, не уврачевавшей старых обид, осознаём ценность таких забот... Жить бы ему да жить! Но, занедужив, попал в руки докторов, вместо насморка поставивших неизлечимый диагноз. — Он нарочно, с нажимом сказал через «х», вкладывая в него известный ему смысл. — Семьдесят четыре годка! Эх, дела наши скорбные! Что ж, до чего не удалось долететь, будем идти хромая. Как писала Цветаева, ведёт наши полки Богородица.

Опоздавший на отпевание Виктор Донцов и телохранитель Вова с букетом красных роз встали за земляным валом, разглядывая тесную кучку провожающих, полукругом обступивших могилу. Донцов знал лишь Дмитрия и Нину Ряжскую — она держала под локоть бесслёзную, выплакавшую горе мать. Трое пожилых мужчин, видать, дальние родственники. А те две женщины — пожилая в чёрном платке и молодая, в вологодской кружевной шали, с краю, влоборота, — похоже, особняком.

С Ниной Донцов общался, когда она просила помочь заболевшему отцу. Виктор велел помощнику исполнить, но тот старался не по совести. Помощники — особое племя. Испорченные близостью к власти, соразмеряют усердие строгостью спроса. Потому Донцов отчасти корил за недосмотр и себя. Когда Нина сообщила скорбную весть, в душе шевельнулось чувство, заставившее, отшвырнув текучку, быть на похоронах.

— Только без пышностей, — предупредила Нина. — Без шикарных венков. Главное, добрую память в потомках сохранить. А почести... Бог с ними, с почестями...

Виктор вспомнил, как наставляла его после Бауманки Нина — на раменском заводе. Но тут девушка в шали повернулась в фас, глянув в его сторону, и Донцов обомлел. К своим сорока он встречал немало красивых женщин, но такое прекрасное одухотворённое лицо видел впервые. Не просто красивое, а именно прекрасное и именно одухотворённое!

Между тем Вера Богодухова пребывала в угнетённом настроении; упоминание о бездне отчаяния вскрыло давнюю рану, перенесло в страшный день, когда не стало отца. Она не знала здесь никого, кроме Ряжской и Шубина, которые ежегод в тот календарный день навещали их — с плечистой бутылкой любимой отцом чешской «Бехеревки». Но рюмку за упокой не поднимали, просто вели разговоры о житье-бытье. Вера не хотела ехать на похороны, однако мать настаивала.

— Достойный человек! Поколение знатное, нас на ноги ставило.

Но обострённая кладбищем память о давнем кошмаре, изменившем жизнь, не мешала внимать траурной церемонии. Взгляд скользнул по двум мужчинам напротив — один с букетом красных роз, — они выпадали из серой толпы собравшихся. Потом внимание привлёк рабочий, ловко правивший бухту грязной верёвки. Из кармана его спецовки слышалась мелодия Билайна, он судорожно извлекал застрявший мобильник, наконец достал и нырнул за толстоствольную берёзу. Земная суета вернула ощущение реальности. Вера включилась в происходящее, осознав, что Степану Степановичу Соколову-Ряжскому предстоит покоиться под сенью мощной берёзы, давнего символа России. И подумалось ей, будто и скромное прощание, и могучая берёза у изголовья покойного наделены сокровенным, даже сакральным смыслом. Слегка сжала мамин локоть:

— Спасибо, что я здесь.

Поражённый, Донцов не спускал глаз с женщины в тёмно-фиолетовой шали, но боковым зрением подметил, что к нему близится кто-то вывернувший из-за соседнего ряда надгробий. Услышал приглушённое:

— Простите, кого хоронят?

Вскинул плечом, выражая недовольство бестактностью:

— Ряжского...

— Ряжского?.. Уж не Соколова ли Ряжского?

Этот удивлённый возглас заставил повернуться. Перед ним стоял модно одетый человек, а когда Виктор для уточнения его статуса бросил взгляд на обувь — высокие, от-кутюр, беспротышного тёмно-синего цвета полуботы «Дино Бигони»! — то понял, с кем имеет дело. Видать, борзой кобель.

Утвердительно кивнул головой.

— Соколов-Ряжский... — дивился незнакомец. — Вообще-то он Соколов, фамилию жены добавил, чтоб отскочить от других Соколовых.

— Вы его знали?

— Они с отцом начинали, потом разошлись — на переправе в новую жизнь. А теперь, выходит, опять вместе. Об-балдеть! — Он выразительно удвоил «б». — Но я-то почему подошёл? Горе чужое. А вот будто меня кто под бок толкнул. Не свыше ли?

Помолчали. Но незнакомец оказался говорливым.

— Кладбище захудалое. Разве я отца здесь захоронил бы? Ваганьково бы взял! Да могила семейная, из прошлой жизни. И надо же, Соколов-Ряжский рядом! Отец о нём часто вспоминал, а на погосте — встренулись! Мой полгода назад преставился, по надгробию хлопочу. Да-а, жизнь — суета сует, сквозняк. Как ни голоси, как ни колеси, а сойдёмся на кладбище.

Бубня без умолку, он часто поправлял узел галстука. «Руки деть некуда, — неприязненно подумал Виктор. — Как Жириновский нос теревит». Сознание резанула фраза: «Ваганьково бы взял!» Взять Ваганьково, словно авто модной марки.

Гроб опустили, и Донцов, приняв букет у телохранителя Вовы, пошёл бросить горсть земли.

Когда над могилой поднялся холмик с временной табличкой на штыре, Нина поклонилась в пояс, сказала:

— Автобус ритуальный, он ждёт. Двигаем потихоньку.

Последним подошёл Донцов. Приобнял за плечи, сказал соболезнования, потом невзначай спросил:

— Мужчины пожилые, это родственники?

— Где у нас, Виктор, родственники? Сослуживцы папины, бывшие.

— А две женщины, вроде мать и дочь?

Но Нина всегда оставалась сама собой, проницательной и слегка насмешливой. Она сразу раскусила смысл вопросов и ответила по сути донцовского интереса:

— Богодуховы на поминки не едут.

— Кто такие Богодуховы?

— Это история долгая, трагическая. Как-нить опосля.

Шубин, попросившись с Донцовым, сказал жене:

— Меня не ждите, догоню. Один хочу побыть, сказать кое-что Степан Степановичу.

Но говорить Дмитрий собирался не с покойным тестем, а с самим собой. Свежий могильный холмик, могучая берёза, скромный, похоронный обряд пробудили в нём грустную, но величавую мысль. Ему подумалось, что именно сегодня по-настоящему уходит в вечность бывшая эпоха большого стиля, которая то ли Соколова наделила высокими людскими достоинствами, то ли сама заняла у его поколений нравственный капитал. Да, утвердился Шубин, сегодня — прощание с эпохой. Степан Степанович Соколов-Ряжский... Вспомнил, как завод-

ской приятель тестя Подлевский, который в перестройку подался в бизнес, подтрунивал над Соколовым, называл его «дефис Рязский», — мол, вынырнул Степан из орды однофамильцев. Шубин криво усмехнулся: уж он-то знал истинную причину «удвоения» фамилии.

Снова с печалью подумал, что сегодня не только хоронили трогательно-заботливого тестя, но с ним ушла в историю не очень ласковая, зато не стязательская, добросердечная эпоха, сохранившаяся в закоулках памяти, словно ржавые несрезанные гроздья пожухшей сирени. Философски вздохнул и, как ни чудно, испытал душевное успокоение. Завершилось время метаний, раздвоенный, суетливый беготня мыслей, головоломной медвежуги. Прошлое умерло. После шикарного кутежа на обломках СССР вступила в права другая эпоха — новые смыслы и обычки, взлом бытия, немилостивые государи, ставящие интересы выше ценностей. Жестоковыйное, накопительское, беспощадное к людским страданиям время — словно беспристрастное лицо манекена, но по-своему привлекательное, с перспективой, не прощающее промедления на развилках выбора. Правда, и старорусские традиции вернулись: не умеет эскадронком командовать, — дать ему в управление губернию.

Аркадий Подлевский тем временем петлял среди частокола невысоких надгробий, двигаясь к семейному захоронению, и дивился происшествию. Никакие высшие силы его под бок не толкали, это сочинилось для фасону. Бродил по кладбищу в ожидании работяг, ушедших за цементом: они ладили фундамент под плиту коричневого мрамора с богатейшим декором, заказанную гранитчикам. Подлевский намеревался соорудить повыше, размашистее, но директор кладбища, не скрывая разочарования, — выгодный клиент! — наложил запрет на излишества: кляуз не оберёшься. Вышло околomodье, но всё равно «Рашен майнд» — русский дух. Зато изготовят надгробие вне очереди.

На чужой погребальный обряд его навёл случай. Но Аркадия поразило совпадение: Соколов, которого отец победно разгромил на поприсе добывания земных благ и с которым до конца жизни заочно мерялся по части каких-то нематериальных «дисциплин», сравнялись кладбищем. Подумал удовлетворённо: «Уж по надгробию-то мы верх возьмём!»

А ещё Подлевскому приглянулась смазливая бабёнка на соколовских похоронах. Опаньки — и мысли перескочили на мирское: надо разузнать, кто такова, а обаживать, шатать женщин мы умеем. Нажал мобильник, который всегда в руке, вызвал шофёра.

— Иван, сейчас выйдет молодуха в фиолетовой шапи. Её надо до дому проводить. Понял?

Не успел дойти до родительской могилы, вякнул ответный звонок:

— Аркадий Михалыч, докладую. Их двое. В ритуал не сели, идут на рейсовый.

— Та-ак... Значит, вот что, садись с ними в автобус, и чтоб сегодня же доложил адресок. Ключи оставь под сиденьем.

Дав указания кладбищенским работягам, Подлевский поехал в офис, где его застал новый звонок от шофёра.

— Аркадий Михалыч, домик-то — избушка с консержкой! Едва проскочил, а в лифте последний этаж нажал. Они на седьмом вышли. Там три квартиры, номера записал.

— Годится. Наведём справки.

Он всегда ковал железо горячим.

2

Телохранитель Вова зорко прощупывал глазами дорогу и ждал, когда Власыч, переважив текущие ньюс, переговорив по мобильнику, приступит к отвлечённым рассуждениям. Была пятница, они гнали в «Черепуху», а в таких случаях подопечного тянет философствовать. Дабы не отвлекать телохранителя от прямых обязанностей, Власыч, — он за стеклянной ширмой — велел оборудовать «мерс» внутренней связью.

В прошлом телохранитель Вова был «прикреплённым», как называли охрану высших партийных чинов. Успел застать славные времена — на излёте, когда личка жила без особых хлопот, заботясь лишь формальным сопровождением. Зато летала на самолётах с отменным бортпайком, а поздними вечерами где-нибудь в Ливадии или под Гаграми «деды» со стажем, слегка поддав, позволяли себе наперегонки гонять по горному серпантину в служебных тачках. Заводить друзей вне секретной среды запрещалось, мужики годами варились в тесном кругу, через пустой риск расходуя молодецкую удаль.

— Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинцев, — раздалось в ухе. — Чьи строки?

— Пушкин, — с ходу ответил телохранитель Вова.

— Это про твоих бывших. Мандельштам... А вот скажи: допустим, нужна черепица на дачу. Есть финская и наша, дешевле. Какую возьмёшь?

— Если на рупь дешевле, зачем мне наша?

— А вполонину?

— Вполонину — мусор, деньги на ветер.

— Грамотеешь, грамотеешь... — раздумывая о чём-то, пробурчал Власыч. — А если по-чесноку? Чтоб ценой и качеством?

Телохранитель Вова быстро вошёл в житейскую тему, природная смекалка подсказала:

— Тираж нужен. Ежели весь посёлок уговорю нашу взять, цену можно срезать. Но вполонину не отдадут.

— Понял, понял, — весело отозвался Власыч и отключил связь.

Водитель Серёга с густой татуировкой на запястьях косил глаза на телохранителя — о чём это они?

Донцов был доволен. Телохранитель Вова, как обычно, вывел его на любопытные выводы. Телохра-

нитель Вова... Мужу под шестьдесят, но даже юнцу Серёге велит называть себя Вовой, говорит, удачная была кликуха, а он — суеверный, в его деле без форта никак. Много повидал этот Вова, много разговоров слышал, и легли они на природную закуску. В минуты дорожного безделья Донцов любил подкинуть телохранителю дурацкий вопросик, знал: Вова с его здоровой, практичной выправкой скажет что-то дельное.

Виктора не интересовала черепица. Отказавшись перебрасывать прибыль за рубеж, — ну, кое-что он в Европе припрятал на чёрный день! — Донцов, глядя вперёд, вложился в станкостроительный заводик. Дело новое, конкуренции нет, а завтра, глядишь, можно вылезти в лидеры перспективной отрасли.

Но рынок — под импортом. А донцовские станки, хотя простые — пока! — по цене вровень с германскими. Кто их возьмёт? Виктор и без телохранителя знал, что для удешевления нужна крупная серия. Но практичный ум Вовы подсказал, как действовать. Договориться с путейцами о поставке нескольких станков, а может, скинуть цену, если они переоснастят сразу всю дорогу.

Отключив связь с телохранителем Вовой, набрал Кривцова, условился о встрече:

— Есть разговор!

С магистрали машина свернула на боковую улицу, затем в квартальный проезд и встала у двухэтажного дома со скромной неоновой вывеской над едва приметной, облупившейся железной дверью — «Черепашка». Когда Донцов прикатил сюда впервые — кстати, с Кривцовым, который поручился за него, — телохранитель Вова намётанным глазом определил:

— Бывший детсад, dokonно. А вот и детплощадка, ноне — парковка. Уютное местечко для высшей лиги слуг и печальников народа.

Ресторан «Черепашка» внешне выглядел непрезентабельно, даже удручающе. Но за пыльной дверью во всём блеске открывалось скромное обаяние новой русской буржуазии. Владелец заведения Жора Бублик — по слухам, в прошлом браток, присвоивший общак, и вовсе не Жора и не Бублик, а лицо азиатского происхождения, — притащил из Италии девяностых тогдашнюю моду на контрасты: фешенебельные клубные рестораны, где собиралась деловая, а отчасти и политическая знать, не били в глаза пышной рекламой, поражая изысканностью интерьеров. Но «Черепашка», понятно, переплюнула итальянских предков по роскоши. Зеркала в широких золочёных рамах, резной дубовый декор по стенам, потолки в пасторальных росписях, причудливые полотна в стиле модерн, по углам роскошные трёхламповые жирондоли в старинном стиле. При первом взгляде на это изящество Донцову померещилось сравнение со светским храмом. Но когда поднялся на второй этаж, предназначенный для людных застолий, образ храма уступил подобию расписных кремлёвских палат.

Доступна «Черепашка» была лишь обладателям клубных карточек, обретение которых позволялось по рекомендации завсегда ресторана. И хотя снаружи не было охраны, в предбаннике дежурили два «дверных доводчика» — крепких молодца с припухшими ниже глаз скулами — верная боксёрская метка, — не допускавшие в заведение посторонних. Сюда наезжали великосветские хайлайфисты, солидные клиенты — не кутить и не в поисках интимных приключений, а в своём кругу «сверить часы» в оценке текущих событий или поразмышлять с заглядом в завтра. Впрочем, ещё при первом визите Донцов обратил внимание, что на открытой гардеробной висело изрядное число пальто и шляп в стиле «унисекс», годных и для мужчин и для женщин.

Кухня здесь была отменная, о чём напоминало витиеватое меню. Осетрину подавали звеньями, во всю толщину рыбы. А после ответных российских санкций появился синий вкладыш с дерзким уведомлением: «У нас вы никогда не пожалуетесь на отсутствие рокфора или хамона».

Для Донцова резервировали столик, но едва он переступил порог, справа раздались возгласы:

— О-о! Донцов!

— Власыч, причаливай к нам!

За круглым столом на пятерых сидели четверо филигранных — по классификации Жоры Бублика — клиентов, среди них, кстати, два Виктора, и Донцов в очередной раз попристествовал, что в дружеском кругу за ним утвердилось «Власыч» — не в качестве возрастной заслуги, а для удобства общения: и звучит, и сразу ясно, о ком речь.

На горячую закуску заказав говяжью мексиканскую кесадилю — пальцеоблизательно! — вслушался в застольный разговор.

— Он, конечно, отмотивировал их по полной. И министра, и губернатора, — веско говорил Виктор Жмур, худой, кадыкастый, в строгом чиновном прикиде, с безвкусным жёлтым галстуком. Жмур начинал скромным помощником адвоката, но судьба, по его словам, сделала то ли мёртвую петлю, то ли сальто-мортале, и он, едва не сгинув, почти утонув, вынырнул на стремнине бизнеса. Теперь Жмур — член совета директоров крупной компании и, поговаривали, удачно «обставился» пакетами акций, а кроме того, вошёл в клан офшорной аристократии, успешно вывозил за рубеж честно уворованные деньги. — Засуетились, как тараканы после дуста. Он им дал месяц, а их сиятельства за сутки полигон закрыли.

Донцов сообразил: судачат о балашихинской свалке. После прямой линии с президентом она стала символом нынешних порядков. Свалка мусора! Сколько вокруг неё свистопляски! И впрямь тянет на символ.

— Как бы т-такая торопливость боком не вылезла. Куда т-теперь московский хлам везти? Ну, назначили другие полигоны. Но это н-новые покатушки, иной километраж. А времязатраты? Цены выше.

У-у-у! Н-неразбериха — с ум-ма сойти. Нелегальные свалки пойдут, начнут сбрасывать мусор в кустах, всё Подмосковье изгадят. Для ГАИ новый грёв, откроют охоту на нелегалов. Как п-писал классик, од-дин ко-веркает, другой расковеркивает. — Валерий Шлёнский, совладелец крупной айтишной фирмы, говорил неторопливо, с лёгкой запинкой.

— О чём вы, любви-друзи? Всё образуется. Нормальный российский формат. Капля, попадая в море, становится морем. Типичный сюжет эпохи. Российские обыкновения. — Жмур обожал изъясняться формулами.

— Не скажи. Очередное бубнилово, и только. Пустое: ставлю дюжину шампанского против бутылки колы. Одну проблему закроют, десяток новых наплодят. Кругом безладница. — Это другой Виктор — Шаринян, герметичный по части эмоций. Но сегодня, кажется, и его прорвало. — Кстати, восьмое аграрное правило утверждает, что избыток одного удобрения не может компенсировать нехватку другого. Оно применимо ко всему. А ты что, Власыч?

Донцов сидел с полным ртом, и тот, который напротив, Гаврилкин из Минразвития, пришёл на помощь.

— Дайте ему прожевать, это не бычки в томате. С голодухи не догоняет, об что речь.

— И не м-манты с джусаем, — подыграл Шлёнский. — Да, кстати на кстати. Переносить технические законы на жизнь — не комильфо. Бердяев, например, писал, что штопанием дыр капитализма м-можно создать новую общественную ткань. Прав он или нет — не суть важно. Однако м-мысль заслуживает уважения.

Донцов поднял ладонь в знак готовности к ответу, сделал глоток минералки и после короткой паузы, завладев вниманием, внятно, расставляя слова, сказал:

— Меня напрягает, что мусорной свалкой занимается лично президент. Дурдом! В одиночку-то всем сопли не утрёшь.

— Вынужден заниматься... — многомысленно поправил Жмур.

— А это что в лоб, что по лбу. От перестановки слагаемых сумма не меняется.

— Слагаемые — это царь и бояре, — расшифровал Шаринян.

Донцов сперва кивнул, но сразу добавил:

— Ну-у, не совсем. Бояре, они жалованные, nasledная знать. По мне, так важен факт: не проблемы экологии, а мусорная свалка в Балашихе! Антресоли демократии...

И осёкся.

В зал вошла женщина, поразившая Донцова на похоронах Соколова-Ряжского. Одета просто, но, по цветовой гамме, изысканно. Нежно-голубая, с белым отливом шифоновая блуза навыпуск, синяя юбка-карандаш и, как вишенка на торте, свободно повязанный розово-красный шейный платок и скромные, тоже розоватые туфли «Мери Джейн» с

ремешком на подъёме. Рядом шёл мужчина. Именно рядом — он смотрелся живым аксессуаром. Лицо его показалось Виктору знакомым, но где он встречал этого лощёного, подтянутого господина в серой с отливом тройке и ботинках со стразами, Донцов вспомнить не мог.

— Т-ты чего запнулся? — удивился Шлёнский. — Об антресолях демократии это в самый раз.

— Погоди, забыл сделать важный звонок. — Донцов поднялся из-за стола, на ходу доставая смартфон, вышел в предбанник.

Решение созрело мгновенно. По сотовой связи вызвал телохранителя Вову, продиктовал:

— Запомни фамилию. Бо-го-духова. Фамилия редкая, в Москве Богодуховых немного. Мне нужны адреса и телефоны всех женщин этой фамилии в возрасте до тридцати. Подключи связи. Имени не знаю. Когда справишься?

— Если повезёт, сегодня.

— Что значит «повезёт»?

— Если старый приятель с пятницы на субботу дежурит.

— Ну, действуй.

Отключив мобильник, Донцов с матерным уклоном в свой адрес подумал: прошляпил! чего, дурень, раньше не беспокоился? сколько раз мелькало: «Найти, найти её, разыскать!» А где я этого хмыря видел?

Вернувшись за стол, где продолжали обсуждать политическую пыль, поднятую мусорной свалкой, Донцов уже не принимал участия в разговоре.

— Н-неприятности? — участливо спросил Шлёнский.

— Нестыковочка нарисовалась, как говорится, судороги жизни, — отмахнулся Виктор и, словно бы соскакивая с неприятной темы, равнодушно поинтересовался: — Кстати, не знаешь во-он того, костюмчик с отливом? У окна, с женщиной...

Шлёнский пожал плечами, но Гаврилкин ответил:

— Подлевский Аркадий, с Госимуществом связан. Акциденциями живёт, случайными доходами, фрилансер, искатель профита. Виртуоз сиюминутности. У него кликуха «Игрок», хотя впрямую финансами не занимается. По природе игрок, любит рискованные ставки. Но везёт человеку — всегда с избытком кэша! Альпари, вровень, честно, ухо-на-ухо не любит. Зато, бел-свет, в ступе дно прошибёт. Мы с ним на крупной земельной сделке пересеклись.

— Ты же не купец, — удивился кадыкастый Жмур.

— Я курировал от ведомства, а он выставил мелкую фирму — без году неделя, капитал мизерный. Она и выиграла, паровоз ему навстречу. В общем, элитное жульё, по типу прежних залоговых аукционов, когда подставные карлики главный куш хапали. Этого Подлевского ещё зовут «мистер иногда».

— Не понял, — отозвался Шаринян.

— Ты с Кавказа, а по части моды недоучка. Пиджаки как носят? На верхнюю пуговицу застёгивают

иногда, на среднюю — всегда, на нижнюю — никогда. А он любит на верхнюю. Теперь понял?

Донцов, краем глаза наблюдавший за Подлевским, увидел, как тот подтянул узел галстука, и вспомнил: кладбище! Тот хмырь в дорогах ботинках, который спросил, кого хоронят. Часто галстук поправлял, словно удавкой себя затягивал. Он, он, земля ему стекловатой. Настроение испортилось вконец. Выходит, на похоронах они оба обратили внимание на эту женщину — да-да, редкой, вдохновенной красоты! — но этот игрок сразу подсутился, а ростопша Донцов предавался пустым мечтаниям, откладывая на завтра то, что требовалось делать немедленно. Теперь тихо кури в сторонке. Эх, яблочко да на тарелочке... Получил прямой в челюсть.

Вечер был испорчен вдрызг. Вдобавок не повезло с приятелем телохранителя Вовы, он не дежурил, и поиски Богодуховой подвисли до понедельника. Хотя какое это имеет значение? Ведро выплеснул, а над стаканом трясёшься.

3

На голую Клементину они набрели случайно. Рано освободившись в последний день демографической конференции, Вера Богодухова с новыми подругами — толстушка Лиля из Питера, очкастая Света из Саратова, — отправились в старую часть Женева и в лабиринте улочек, в скверике близ костёла увидели прелестную обнажённую девушку — полную жизни, не тронутую модой модельной истощённости. Рядом — матовой кофейной полировки фортепьяно с выдвинутой банкеткой, а чуть в стороне — деревянные столы с лавками, где хлопотал официант.

Несмотря на скудные бюджеты, они не могли отказать себе в удовольствии выпить эспрессо в компании со знаменитой бронзовой Клементиной. И, наслаждаясь спокойным комфортом безмятежной Швейцарии, делились впечатлениями об этих трёх — всего трёх! — днях.

Командировка в Женеву «засветила» Вере год назад; она готовила пятиминутный доклад о влиянии демографических «ям» на состав населения. Хлопот было много. Реферат, полный текст, перевод на английский — слава богу, сама «языкастая». Затем эпопея утверждения у завсектором Улитина — фамилия под сонливый характер. И всё это, не исключено, впустую из-за нехватки у института средств на командировку. Но судьба улыбнулась, и Вера впервые очутилась на заманчивом Западе. В благословенной Женеве, на берегу знаменитого озера с гигантским фонтаном, в европейской штаб-квартире ООН — в сводчатом зале, где с потолка свисают разноцветные бетонные «сталактиты», в ухоженном дипломатическом предместье Женева, где среди зелени истошно и смешно вопят павлины. Всё было в диковинку.

— Девка, а ну-ка сверим впечатления, — верещала саратовская Света. — Меня потрясли чистота и порядок.

Питерская Лиля кивнула:

— Это само собой. А в восторге я от озера. Миллион раз видела по телику фонтан, но «живьём» это нечто! Восьмое чудо света. Или какое там по классическому счёту? Седьмое?

— Вера, а ты?

— Мысли разбегаются. Пожалуй, девочки, всё-таки Стул. — Она произнесла это слово так, что оно звучало с заглавной буквы.

— Стул, да! Это бесподобно, фантастика! — восхитилась восторженная Лиля. — Грандиозный образ. Все бури и сквозняки века.

— Мощный, так и стоит перед глазами, — подержала Света.

Увидев этот женевский Стул на площади у зданий ООН, Вера сперва ничего не поняла. Гигантский, трёхэтажного роста деревянный стул с прямой спинкой, у которого одна из ножек неряшливо сломана на высоте пяти метров, — это было жуткое, но и притягательное зрелище. Стул-инвалид, под которым мог свободно проехать трейлер. Сюр... И лишь прочитав надпись у бетонного подножия, поняла: это памятник жертвам противопехотных мин, символ искалеченных судеб.

Сверив впечатления, они намеревались двинуться дальше, но увидели, что мужчина лет сорока, в джинсах и ковбойке, сидевший за соседним столиком, поднялся, подошёл к фортепьяно, поднял крышку, удобнее подвинул банкетку, чтобы музицировать.

— Вот они, свободные нравы в их истинном воплощении, — комментировала Лиля. — У меня была мысль сыграть Шопена, но, думаю, неудобно. Да и можно ли? Вдруг пианино лишь для антуража. А он ни на кого не обращает внимания, ему сумления до лампочки.

Случайный пианист ударил по клавишам, и у девиц физиономии вытянулись до глубокого декольте. Он играл «Подмосковные вечера».

Зачарованные, они с упоением слушали русские позывные, неофициальный российский гимн. И где? В средневековом центре Старой Женева! Здесь он звучал поистине волшебно. И когда смолкли аккорды, эмоциональная Лиля обратилась к мужчине на английском:

— Ду ю лайк Раша?

Он громко рассмеялся:

— Господи! Да я неделю как из Москвы. Слышу, вы лопочете по-русски, дай, думаю, развеселю девчат.

Дальше всё было как в сказке. Незнакомец, закрыв крышку пианино, подсел за их стол, невзирая на смущённые протесты, заказал всем капучино и яблочный штрудель — с присказкой «По-русски, без закуски!» — и девушкам оставалось лишь, раскрыв рты, слушать увлекательные байки этого прикольного парня, который пел и обедно, и оперу о здешних красотах, нравах и порядках.

Поездка в Швейцарию нарисовалась у Подлевского неожиданно — как часто бывает, когда буксует

подготовка солидной сделки на заключительном этапе. Лозанские партнёры притормозили из-за разногласий, и его наняли разъяснить возникшие недомолчания в режиме отказа от претензий.

Он вообще любил ввязываться в экспромты, каждый раз, словно мантру — а и верно, из суеверия! — повторяя знаменитую заповедь, идущую от Наполеона, а возможно, от Гарибальди: «Нет великого человека без везенья!» Повезло и на сей раз, даже вдвойне.

Практичный, вьедливый, он к тому времени не только выяснил личность смазливой девицы, которую приглядел на кладбище, — Вера Сергеевна Богодухова, не только разузнал, где она работает, но и обзавёлся в её институте своим человеком. Как сказали бы в органах, осведомителем, а для него, Подлевского, просто живым «жучком» на небольшом поощрении.

Этот приём у него был отработан давно, хотя сам он такими мелочами не занимался, подобрав помощника из бывших чекистов, умевшего «фрахтовать» нужных людей. Речь шла о передаче лишь персональных данных, не служебных, а в наши времена полно людей, готовых за гроши охотно служить такими «жучками».

Короче говоря, на Богодухову у него набралось небольшое досье, и настало время «специальной» по знакомству. Не подойдёшь же вхамку на улице, а предложить подвезти в машине — наверняка откажется, сразу видно, «я не такая, я жду трамвая», не профура в шортах.

И вдруг удача: она едет на конференцию в Женеву! В мозгу Подлевского заработал мощный компьютер, выдавая варианты знакомства при новых обстоятельствах. Он обожал такие ситуации с простором для воображения. Ещё не решив, как поступить, твёрдо знал, что игра сделана. Он возьмёт своё — красиво, элегантно.

Всё более погрязая в уверенности, окончательный план Подлевский с наслаждением додумывал в самолёте.

Во-первых, надо оформить пропуск в ооновский комплекс. Во-вторых, в последний день этой вшивенькой «фиренции» из Лозанны подскочить в Женеву. Утречком, чтобы без спешки разыскать зал, где заседают демографы. Остальное — дело техники: дежурить у зала, а потом — по ситуации. Да! Ехать в Женеву поездом — всего-то час с небольшим — это даёт свободу манёвра. Она-то — без авто. А если их повезут куда-то автобусом, можно взять такси.

На этом сценарий обрывался, уступая место импровизации «по обстоятельствам». Эту пиковую, клиповую фазу «специальных», когда падают в цене, становятся условными нормы и правила отношений с людьми, Подлевский любил особенно — в разных сферах жизни. Вот где истинные возможности для интеллекта, творческих фантазий! Вот где эффективно и эффективно срабатывает интуиция, нешаблон, где можно восьмёрку ставить вверх ногами.

Вот где важна скорость решений, отличающая его. Креатифф! Вот она, настоящая игра! Он предусмотрительно скрестил пальцы и пробурчал под нос на английском: «Кросс май фингер!» — что в его переводе означало: «Дай бог!» И вдобавок вспомнил Фрейда: люди бессильны против комплиментов.

Настроение было на подъёме. Кроме прочего, неожиданный женевский вариант сулил интригующее, возможно, незаурядное продолжение. Кураж, охвативший Аркадия, по опыту был залогом того, что абсолютно всё будет о'кей, — и в Лозанне, и в Женеве. Но тут же хлопнул себя ладонью по лбу: не забыть поздравить с днюхой солидного биржевого маклера в Москве.

Первую часть замысла он отыграл, как по нотам. Потом, словно охотник, охваченный предвкушением удачи, выслеживал Богодухову в каменных джунглях Старой Женевы. А когда она с подругами обосновалась пить кофе около Клементины, понял: момент настал! «Красивый, между прочим, момент, — похвалил себя Подлевский, усевшись за соседний столик и вслушиваясь в бабские пересуды. — Сейчас на пианино сбациаю!»

Вдобавок толстуха, которую он окрестил «Корова из штата Айова», и вовсе подбросила ему мяч, обратившись на английском.

Всё шло как по маслу. А когда знакомство состоялось и настал черёд ржачного трёпа, Аркадий — в своей стихии! — раскрылся сполна, очаровав весёлонравием, а ещё загадочностью: свой человек в Европе, мыслит широко, знает много, денежный, а кто такой — не говорит.

— Сударыни, — картинно поучал он, — Запад надо знать и понимать. В чём его отличие от наших палестин? В колоссальном внимании к бытовым удобствам. В каждой мелочи, я бы сказал, в мельчайшей мелочи. Гляньте на замочки к бейдхам для прохода в ООН. Это же техническое совершенство, пригодное для любых вариантов использования. Или... вы вдоль озера прокатились? Нет? Там же черешневые сады. Скажете: эка невидаль! Но деревья-то в человеческий рост! И накрыты сеткой от града. Всё пологнано, зазоров нет, всё гладко.

Сударыни изумлённо охали-ахали, а Подлевский, разогрев их бытовыми присказками из разряда просроченных западных баек и продолжая держать в плену мелких вопросов, сфотографировал троицу у Клементины, оповестив:

— Историю пишут объективы «мыльниц» и смартфонов!

4

На третьей линии охраны, у дверей конференц-зала, Добычина проверяли столь же придирчиво, как при входе в здание. Сторожевик, знавший Всеволода по десяткам мероприятий высшего уровня, попросил приложить бейдж со специальным чипом к электронному глазу турникета.

Войдя в зал — средних размеров, на полтысячи мест, с ровными рядами чёрных кожаных стульев, — он нос к носу столкнулся с земляком.

— Жора! И ты, Брут, продался бюрократам!

— Я же подписывал контракт с Гомелем. Разве не видел?

— Вышел до перерыва... Сядем рядом?

Они не виделись полгода. Жора Синицын, невысокий, кругленький, с ранним брюшком, лысоватый и очкастый, внешне походил на деловитого, отчасти карикатурного чиновника из допотопного михалковского «Фитиля», не хватало лишь солидного портфеля жёлтой кожи. Всеволод Добычин, наоборот, был тощей каланчой с густой шапкой волос цвета спелой пшеницы, за что коллеги депутаты звали его «Льняной». Друзья детства, они шли по жизни параллельно. Синицын, двинув в бизнес, возглавил региональную сотовую связь, а Добычин ушёл в «паблику», и после раскрутки на областной орбите его забросило в Госдуму. При случае они поддерживали друг друга, но взаимных дел не набежало, и общались они нечасто.

При встречах им было о чём поговорить. Полное доверие позволяло сверять федеральный клич с региональным отзвуком, словно из пазлов составляя достоверную картину эпохи: что в стране? что в недрах управляющего слоя?

На форуме регионов царил скучота обыденности. Полдня накаченные политическими стероидами министры и губернаторы бубнили о впечатляющих успехах союзного государства Россия-Беларусь. Но если минские пытались изъясняться концептуально, хотя и неуклюже, то выступало русни выглядело примитивными самоотчётами, усыплявшими мозг, без потуги даже на заухалую идею. Паралич мышления, фатальная нехватка свежих подходов. Сопли жевали. Все ждали Путина и Лукашенко.

Но известно, к сроку президент прибывает только на инаугурации и парады; опоздания — фирменный стиль кремлёвской власти. И у Добычина с Синицыным появилось время приглушённо, в четверть голоса начать «сверочную сессию».

— Ну что скажешь? — приступил Всеволод.

— Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

— Вечно ты с прибаутками.

— Задумали скоростной Интернет, проект составили, финансы изыскали — всё путём. Да на согласованиях застряли, их же сотни. А чиновники за отказ не отвечают, тянут с решениями — и никакого им риску нет, ленивые до не могу. На деле-то в засаде за выгодой сидят. Ну, ты понял.

Добычин кивнул.

— Я сунулся к замглавы администрации, а она вежливо отправила меня в пешеходно-эротическое путешествие. Есть у нас дамочка с жиром ожерелий на шее и, поговаривают, тайными гендерными пристрастиями.

— Может, поднажать на губернатора? Во-он, в пятом ряду. Начнут расходиться, мы к нему и подойдём.

— Не надо, Сева. Не тот случай, чтоб светиться. Губеры теперь — что региональные завхозы. Сбруа из громких титулов, только и всего. Самостоятельности — как у курьера в банке. Вдобавок кассовый разрыв в кадрах. Кругом кружит только свой интерес. При тотальном бюджетном дефиците зажимают средства на случай ЧП. Москва наказывает лишь за грубые ошибки. Другого спроса нет, ну пожуричь могут. И чтоб не делать ошибок, упаси бог инициативу поддержать. Зато отчитываться научились.

Добычин понизил голос:

— Мнение уже формируется. Входит в русскую историю как Царь Владимир Добрый.

— Да что ваше элитное мнение! Всё не так плохо, всё гораздо хуже. Третьего дня блевада-центр дал итоги опроса: тридцать семь процентов из поддержавших Путина сказали, что нельзя ему быть таким добреньким, пожётсче править надо.

— Я этот опрос прозевал.

— А ты на министров глянь — рыцари обильного словотечения. Связному про отказ от роуминга толкуют, а он на нас, операторов, кивает. Но я-то знаю, чего он мнётся: чиновники это дело с ходу не осилит. — Вдруг завёлся, да с глумливым словцом: — Застой, Сева, крутой застой! Всё ладят под чиновные удобства. Кругом сплошные муляжи — в статистике, в отчётах. Бурсаков поневоле вспомнишь, когда пороли на воздухах по всей строгости гражданского согласия. Пасмурно, Сева! Хотя ещё не сумерки.

— Ты у нас как гегельянец — ни в чём совершенства не видишь. Лозунгами не дави. Кинь пример, чтоб яснее стало, о чём тоскуешь.

— Примеров мульон! Возьми зарплату учителей, которую Москва требует выше средней. Как ноне измудряются? Проще простого! Берут педагога на четверть ставки и платят семь тыщ. А в отчёте-то полная ставка идёт — двадцать восемь. И всё в ажуре, не подкопаешься. Плавающий слой научился с Москвой в дёсны жамкаться. У себя за пазухой никто ничего не ищет.

Замолчали. Своими уральскими сказами, пересыпанными перчёными словечками, Жора бережил Добычину душу, каждый раз вызывая в памяти образ печальника Гамлета с его классикой: то ли «неладно что-то в Датском королевстве», то ли «какая-то в державе Датской гниль» — в зависимости от перевода. Это чувство неясной угрозы было широко разлито и в московском управляющем слое. Словно грозовая туча на далёком горизонте, эта угроза погромыхивала и посверкивала то грядущим дефицитом пенсионного фонда, то неизбежным драматическим выбором макроэкономической стратегии, который не от хорошей жизни, прикрываясь державным блудом, малодушно оттягивает Кремль в надежде скрестить ужа и ежа.

Добычин знал, что теперь его очередь излагать Сеницыну свои соображения, понимал, что в суждениях пойдёт на политическую глубину, попытается на пальцах объяснить, почему игорный дом в убытке не бывает. Однако начинать не стал, опытным глазом засёк лёгкую суету среди ребят из Службы. И верно, из охраняемых дверей выпорхнули две девчушки — прямые светлые волосы за спиной, белый верх, чёрный низ, в руках тонкие элегантные кожаные чемоданчики с застёжками «под золото». Они юркнули к пюпитру, заменявшему трибуну, положили на него бумаги и уселись в третьем ряду, у прохода, на заранее назначенных местах. Добычин понял: приготовления завершены. Шепнул Сеницыну:

— Зачехляем гитары. Идут. Приветствуем стоя.

Процедура была хорошо знакома. Но на сей раз уютный зал позволял разглядеть детали, ускользающие в больших аудиториях. Путин сидел на невысокой сцене в белом кресле. Внимательно, даже с пристрастием рассматривая его, Добычин пришёл к выводу, что президент выглядит неплохо, во всяком случае, следов утомления на лице не заметно, а макияжа, как бывает в иных случаях, нет. Удивило, даже поразило другое: слушая выступавших, Владимир Владимирович постоянно двигался. То перебирал носками и пятками ног, то разминал суставы пальцев, то дотрагивался до лба, до щёк, словно его что-то беспокоило. Чувствовалось, он не вслушивается в говорение с трибуны, а полностью ушёл в свои мысли, двигаясь в такт им.

А когда настало время, вышел к пюпитру, раскрыл заготовленный девчушками текст и без запинки озвучил — было ясно, видит его впервые.

«Конечно, — думал Добычин, — мероприятие важное, но рутинное. У них с Лукашенко за кулисами свои тёрки, когда приходится включать мозги на всю мощь. А здесь... Фасад, сцена, ни экспромты, ни остротемье не запланированы. Привычный репертуар политической шарманки для наивной публики за стенами этого зала. Космических спутников делаем больше, чем в 1923 году выпускали тракторов, — вот и все доводы, они же вызовы».

Ситуация в целом понятна, объяснима. И всё же настроение у Добычина было смутным — как вообще в последнее время. Эта нарядная дежурная сходка замороженных региональных баронов и высоких столичных чиновников являла растущую мощь пластичной, обволакивающей бюрократической элиты, которая даже президенту подсовывала то, что ему надлежит произнести. А какие цитаты из речи тиражировать по телевидению, это тоже будет решать окружение президента. Вдруг мелькнула неожиданная мысль: «Когда Путин начинал в двухтысячном, у него была команда, которую окрестили питерцами. А сегодня команды нет — есть окружение». Эта мысль показала Добычину столь важной, что он решил обязательно додумать её на досуге.

Спросил у Сеницына:

— Вечером занят? — Тот неопределённо пожал плечами; ясное дело, провинциалу, часто наезжающему в столицу, всегда есть чем занять досуг. — Сегодня у одного из думцев юбилей. Поедем, тебе будет интересно.

Когда вышли из «Экспоцентра», где гулял Форум, на улице вдруг потемнело. Оглянуться не успели, налетел страшный, как потом выяснилось, исторической силы грозовой шторм, каких, по уверению синоптиков, не случалось в Москве полтора года. Чёрная туча зашла ниже высоток Сити, хляби небесные разверзлись. Это было жуткое зрелище, апокалипсис, ужас непрогнозируемый. Как писал классик, пожар во время маскарада. Ветер в ключья рвал нарядные флаги и перетяжки, валил билборды, ливнёвки не справлялись с потоками воды, она по щиколотку затопила площадку между выставочными павильонами. Но самое гнетущее — эта жуткая иссиня-чёрная туча, низко, ниже небоскрёбов-тучерезов висевшая над городом. Она пугала не только мраком, наступившим среди бела дня, но и своей небывалостью, невиданностью. Такие грозные, незаурядные, памятные взрывы стихии, да вдобавок внезапные, словно ниспосланные за какую-то провинность, с библейских времён рождали страх, трепет и дурные предчувствия, считались худым знамением.

Прячась от непогоды за распашной стеклянной дверью, ожидая, когда подъедет поближе машина, Добычин с тоской вспоминал уральские сказы Сеницына. Очень уж плотно, впритирку ложились они на его умозрения, его восприятие происходящего, красочно дополняя панораму федеральных непоняток. Азоту много — овощ идёт в ботву. И под влиянием бушующей стихии, созвучной мятущемуся настроению, само собой всплывало в сознании старое, ветхозаветное: «Вихри враждебные веют над нами».

Шестидесятилетний юбилей Юрий Силантьев, отбывавший в Думе уже третий срок, отмечал с размахом, арендовав Дом приёмов, — сразу за Третьим кольцом, перед Мосфильмовской. Там всё наилучшим образом устроено для торжественных церемоний калибра «люкс». Овальный зал ожиданий, где предлагали аперитив и где можно сплотиться небольшими компашками за уютными столиками с мягкими креслами, парадный зал на втором этаже с красивыми обористыми занавесями и круглыми столами с поимённой схемой рассадки. Славился дом приёмов и знатной кухней, готовой выполнить любые запросы заказчика. А около здания обустроили обширную парковку.

Считалось, что на категорию «экстра» это заведение не тянет, ибо находится в людном районе города, — воротилы жизни предпочитают для «сходок» более укромные места, вроде Барвихи-Лакшери, где, как говорят, копейку алтынными звездами приколачивают. Однако «люкс» привлекателен с точки

зрения комфорта и удобен по диспозиции — здесь собирались люди, дорожившие временем.

Съезд гостей в семь, и это означало, что торжество начнётся не раньше восьми. Такие посиделки — не ресторанные, а в «спецприёмнике», как называли гостевой дом, ценились не антуражем, не хлебосольными изысками, а тем, что сочетали застолье с культурными переговорами, позволяли толкаться в своей среде, знакомиться с нужными людьми. А ещё служили отдушиной для прибагряненных, зачастую увядающих депутатских спутниц жизни.

После первых тостов быстро сбивались группки по интересам, и гости, сидевшие за разными столами, перемигнувшись в переносном и буквальном смысле, по двое, по трою, нередко и небольшими компашками спускались в нижний зал, где, накатив по рюмке вискаря или «Хеннеси», в разогретом, однако вполне мыслеспособном состоянии вели доверительные беседы. Для того и нужны эти широкие людные «масленицы», чтобы в неофициальной обстановке откровенничать, сказать от души о наболевшем, кое-что согласовать, кое о чём договориться.

Добычин с Синицыным спустились вниз, чтобы продолжить дневной разговор, но волею обстоятельств попали в узкий кружок политического и делового бомонда, где тон задавал Георгий Лесняк, известный в Думе вольнодумством, — разумеется, в пределах допустимого. На сей раз он горячился по модной теме — относительно образа будущего.

— Да пойми, Власыч, — тормозил он за локоть приятеля. — Образ будущего это тебе не фантазийные русофильские сказания о запуске русского реактора. Говорим «будущее», а в башке колотится самое что ни есть сегодня — президентская предвыборная программа. Что Путин предъявит народу, чем окрылит на грядущие шесть лет? Да чтоб поверили, чтоб вдохновились! Чтоб стать ему полпредом от «завтра».

— Постановка вопроса некорректная, — упрямылся Власыч. — Понятие «образ будущего» сбивает с толку. О каком будущем говорить, если министры публично определились: один говорит, что до тридцатого года реальные пенсии расти не будут, другой обещает рост ВВП не выше двух процентов. Таких министров надо взашей, а коли их не гонят, да окорот им не дают, выходит, опровергать боятся. Вон Глазьев что-то вякнул, так пресс-секретарь президента его с ходу осадил.

— Ну, прав ты, прав про этих министров, которые пиарятся ежедень дурацкими прогнозами. Пророчат злые завтра. Дебилярий! Но суть в другом, помилуй мя, ты в неё не въезжаешь. Что обещать народу? — вот в чём вопрос. Это посильнее, чем быть или не быть. Дальнейший рост жизненного уровня? А, Лыняной? Ты же у нас стратег.

Добычин криво усмехнулся, ничего не ответил. И так всё ясно.

Но Лесняк не унимался:

— Кремлёвская команда с ног сбилась в поисках «образа будущего». Хотя бы чернового наброска. В Интернете хайп, лютый срач.

Добычин встрепенулся:

— Как ты сказал? Кремлёвская команда?

— Тебе будто невдомёк, что там мозговой центр.

— Я не о том. Применительно к президенту слово «команда» давненько не звучит. У президента теперь окружение.

Лесняк уставился на Добычина, почуяв намёк на серьёзную правду, но не в силах распознать её.

— Как говорится, шолом, православные! Ну-ка, ну-ка, подробнее.

— Команда единомышленников была у Путина вначале — питерцы. Помнишь, как их в либеральной ступе толкли? В порошок тёрли. А теперь в Кремле — окружение. И кто побожится, что у этих «окружающих» не разновекторные интересы? Как говорят в таких деликатных случаях, истина конкретна.

Но тут в разговор отважно вступил Синицын:

— А у нас считают, что Путина уже приватизировали. Либералы.

После паузы Лесняк спросил:

— У кого «у нас»?

— На Южном Урале.

— Хочу представить единоеземца, — пояснил Добычин. — Георгий Синицын, управляющий крупным региональным оператором связи. Где родился, там и пригодился. Всю жизнь варится в местных раскладах. Глас народа.

— Народ вот-вот начнёт праздновать победу над самим собой, — расхрабрился Синицын.

— Да-а, любопытно, — неопределённо протянул Власыч, чувствуя, что негабаритные речи этого провинциала, который жжёт без стеснений и оглядок, не вписываются в умозрения думской тусовки. И хотя в мозгу Донцова чесались вопросы по поводу столь неожиданно трактуемой «приватизации президента», расчехляться не хотелось, не тот случай.

А Жору уже не остановить, он поддал жару:

— Чтобы всё осталось, как есть, надо всё изменить. У нас теперь иначе не мыслят. От Москвы чего-то ждут, а чего — сами не знаем.

— Вот вам и образ будущего. Прозренцы-то на местах, а мы их и не слышим, — после новой паузы подвёл неутешительный итог Лесняк, изобразив муляж улыбки. — Всеволод, накадим по маленькой? Давно не чокались.

Компания слегка пригубила коньяку и стала рассасываться. Лесняк с Власычем пошли наверх.

— Ты Лесняка походя в нокдаун отправил, — улыбнулся Добычин. — На нём такие костюмчики не сидят. Однако же ты вмиг прославился, твой провинциальный приговор теперь по всей Думе зашелестит, ссылаются будут. Жди навару с известности.

— Кто этот Лесняк?

— Формально рядовой депутат. Но к его оценкам прислушиваются. Из тех, кто мнение формирует.

— А Власыч?

— Приятель его из коммерческой прослойки. Бизнесмен, станкостроением увлёкся, дело святое. Потому в Думе и ошивается, проталкивает интересы отрасли. Кстати, кого предпочитаешь: лицедеев или лицемеров?

— Ты по поводу Лесняка?

— Не только, здесь таких много. На людях смиренные, великих благ чайтели, а по заглазью ого-го как правду-матку режут. Живут двусмысленно и двузачно. Надо понимать, с кем имеешь дело. Условно говоря, один курит сигареты, а другой лузгает семечки.

— Но Лесняк-то, Лесняк? — добивал Жора.

— А Лесняк вроде макарьевского сундучка. Там, слышал, по шесть штук один в другой вставляют, как матрёшки.

5

Богодуховы перебрались из Тулы в Первопрестольную по случаю. Виктора Ивановича, сцепщика вагонов — шапка набекрюшку, — послали на подмогу в депо Лихоборы. Там он чистил паровозы, следил, чтоб ремонтные ключи выдавали в рейс полным комплектом — без инвентарного набора инструментов в пути встанешь намертво, — чтоб маслénки до краёв наливали смазкой нужных сортов, а в кабине было чисто, как у монашенки в келье. Жили в нищете, да в святости. В итоге исправного туляка определили на курсы машинистов и приманили комнаткой для семьи. Спустя год за ним закрепили паровоз под номером 1675, он водил составы по Окружной дороге.

Жизнь шла в рост. И вдруг — сброс на ноль. Богодухов разделил судьбу своего поколения, погиб 4 августа сорок первого под Смоленском — у села Секасти Батурина района, как гласила похоронка, титулованная «Извещением».

Это Извещение стало единственным наследством сына Сергея, не раз помогая в жизни. Когда со Щёкинского химкомбината его выдернули инструктором отраслевого отдела ЦК КПСС, пожилой кадровик, наверняка в прошлом фронтовик, так и сказал:

— Считаю, тебя погибший отец рекомендует.

В цеховских порядках Богодухов разобрался не сразу, но основательно. Для обывателей аппаратчики Старой площади, бренд «ЦК КПСС», в те времена считались номенклатурной кастой. Лихие эстрадники с дипломами врачей Лившиц и Ливенбук, растворившиеся в даях забвения, однажды отмолотили на сцене стих Чуковского «Муха-Цокотуха», с непозволительным намёком сделав особое ударение на двух магических буквах: «Муха-ЦКтуха», и невинная реприза отозвалась ликованием в среде «профессионалов недовольства» — свободомыслящей публики, заверещавшей на кухнях о подрыве зловредных партийных устоев. Считали, что это крайняк, смелый вызов власти, растабуирование запретного.

Но на деле аппарат ЦК КПСС был неодночным.

В отраслевых отделах вкалывали, по самоназванию, «серые лошади», народ тягливый, от сохи, со своей шкалой смыслов, не утеревший связи с низовой толщей, — работяги, пахавшие глубоко, колесившие из края в край бескрайней державы. Отраслевые отделы подменяли министерства, что было стратегической ошибкой партийных верхов. Для рядовых аппаратчиков нелепый дубляж оборачивался каторгой. Правда, с материальными бонусами.

И совсем иное дело — заграничники из международных отделов, Агитпроп, орговики. Туда брали белую кость, голубую кровь, там вершилась политика, прочищавшая уши и просветлявшая умы соотечественников, а в случае надобности вразумлявшая кое-кого по сусалам. От этих дирижистов исходили веяния, упакованные в форматы Постановлений, Решений. Там ценились «хафизы», наизусть знавшие «коран» политического двоемыслия.

Между отраслевиками и политиками издавна выросла незримая ментальная перегородка. При внешней учтивости в душе заграничников жила неистребимая старопоместная спесь лакея, угождавшего барину и презиравшего мужика. Впоследствии, когда жизнь перевернулась, из тех потаённых настроений позднесоветской элиты вырос мем «быдла» в адрес простонародья. А отраслевики называли заграничников и агитпроповцев «министерством странных дел».

Но по работе «серячки» и забойные отделы пересекались нечасто, и скрытая неприязнь выплескивалась лишь в откровенных кабинетных перемолвках, не сказываясь на формальных отношениях. Сор из избы не выносили, пока обаяние неведомого, — этим поначалу привлёк извечных русских очарованных странников обольстительный перестроечный манок, — не сменилось тревожной непредсказуемостью из-за шараханий партийных вождей.

И когда пошла чехарда в партии, отчуждение, разделявшее отраслевиков и политиканов, стало стеной недоверия. В одночасье обнаружилось, что несогласия внутри аппаратного сообщества слишком глубоки. Отраслевики с их намоленными связями на местах в глазах перестроечного авангарда стали тормозом. Вросшие в хозяйственную почву, они быстро ухватили, что теневая, подпольная советская экономика начала бесстыдно прорастать в структуры власти, бешено тянувшей к рынку. Цеховики, вышедшие из подполья, повели с политиками цыганский торг. На место диссидентов-шестидесятников выдвигались доморощенные прогрессисты, передовые мыслители, партийные восьмидесятеры. Зашевелились гниды под расчёской: вспомнили о трансформизме Антонио Грамши по изменению национального психотипа.

Аппаратное противостояние становилось опасным. Из кабинетов перекинулось в курилки, на совещания разных уровней. И хотя расхождения ещё

носили закрытый характер, но — уже с мстительными обертонами.

Дуб сохнет с головы. В корне расклад изменился, когда Горбачёв, плюнув на Конституцию и мировую практику, совместил два высших поста — в государстве и партии: президент сохранил должность Генсека. Такого злополучия никто не ждал.

Шулерский горбачёвский трюк щипача — под флагом гласности! — расставил точки над «i». Отрыв слова от дела стал катастрофическим, политическое сожительство — невозможным. Понимая, что надлом свершился, что из крутых яиц яичницу не сварганишь, не стеснясь поветрий устной русской речи, отраслевика с тоской и чугунными мыслями наблюдали, как президент, стоя враскоряку, лихорадочно тащит к себе сквозь бутылочное горлышко двоевластия перевёртышей из политиканских отделов Старой площади. Все цековские «покойники» оказались живёхонькими в Кремле, срочно разучивая новые политические роли. А оставанцев, неуместных людей, партию в целом готовили к заклятию. Вступала в права новая, пока ещё конспиративная власть.

Давняя трагедия повторялась нудятиной, фарсом. В дни Большого террора 1937 года люди шли под расстрел с именем Сталина на устах. На финише перестройки, осознав предательство партийной верхушки, презрев библейские сказания о мудрости членов Политбюро, парализованные запахом страха, дрессированные цекистские аппаратчики, хлопая ладонями и ушами, понуро брели в никуда под кнутом партийной дисциплины. Они понимали, что у партии теперь незаконный начальник, но были не в состоянии осмыслить простую до наготы истину: у незаконного начальника — не подчинённые, а сообщники. И в основном предпочли зажмуриться.

Однако в «разночинной» среде аппаратных отраслевиков, у которых, по Есенину, была «слаба гайка», нашлись и крутыши, люди иных настроений, не готовые робко бытийствовать в пожаре грозных событий, не считавшие себя сообщниками измены. Среди них и Сергей Богодухов.

Цековская номенклатура всегда оставалась для него не более, чем факультативом, дополняющим реальное дело, её сапоги всегда жали ему в коленках. Познав мысли, настроения и повадки высшего парт-аппарата, он воспринимал формулу: «Партия — ум, честь и совесть эпохи» в одном формальном ряду с усвоенным в детстве: «Хлеб наш насущный дасть нам днесь», чему учила мама. Чуткий к голосу судьбы, он за гранью повседневности угадывал большее, лучше других оставанцев распознавал в политических конвульсиях горбачевизма не просто борьбу за власть, а стремление перекроить Россию по чужеземным лекалам. Предательство «реальных пацанов» из верхушки возмущало, взрывало мозг не опасениями за судьбу партии, страшило не цинизмом, а угрозой государственного нездоровья, демонического зла, густого сумрака, которым накрывал Россию меченый Князь Тьмы.

Но на заветное цены нет! Богодухов отказался от пустых, маскарадных, негласных потуг группы оппов, как пометили наверху внутренних оппозиционеров, противостоять духу разложения, сифонившему с вертявых партийных верхов, и со страстью бросился в публичную стихию, которая в те торопливые дни вознесла рядового инструктора ЦК КПСС на девятый вал недовольства перестройкой. Он говорил со знанием дела: Генсек и Президент в одном лице тянет Россию на разрыв. Итогом змеиных зигзагов станет катастрофа, наихудшая из возможных. И с самой высокой трибуны, доступной ему, — Колонный зал! Многотысячная возбуждённая толпа! — Богодухов догола раздел хромого архитектора перестройки, за которым прочно укрепилась слава агента влияния, назвав его «мудрейшим из пустозвонов» с неоправданной шумихой слов, наторевшим в политическом двуличии и глядящим Наполеоном.

Чувствительный удар по верхушке партийной власти простить инструктору ЦК КПСС не могли. Уже через день хищная, честолюбивая, как Макбет, личность из Политбюро, которого по-пушкински «проньром лукавым» ославил Богодухов, приказал перевести его в отраслевое министерство — и мелочно, в отдел, назначенный к расформированию, министерство уже падало. Демиурги демократического централизма не стеснялись: в ЦК КПСС, цитадели «высшей справедливости», не было профсоюзной организации, инструкторы ЦК, словно крепостные, даже формально не имели защиты от своеволия начальства, находясь в плену его усмотрений. Дисциплина зиждилась не на идее — на страхе.

В родном отделе проводы не устраивали. Но в узком кругу за рюмкой «Столичной» Богодухов пнул ногой стул, на котором по-чиновничьи натирал «седалищные щёки», и ухарски посетовал:

— Батюшки свет, пятнадцать лет на этой пыточной дыбе отдавал себя в жертву геморрою!

Он ушёл из ЦК без сожаления, даже весело, не явившись по новому месту работы. В сердце жила надежда, что, поплевав на ладони, горы свернёт, найдёт своё место в стремительном круговороте последних месяцев умирающей державы, которую вполне земные силы готовились безжалостно спустить в унитаз истории.

Но не знал Богодухов той степени коварства, с какой хунта партийных предателей преследовала своих идейных противников, даже поверженных.

6

Как обычно, о неурочной встрече в «Доме свиданий» Подлевского известили накануне, что вынудило срочно перекроить деловой график.

Его жизнь состояла из бесконечной череды встреч, и он кокетливо называл себя фрилансером, ибо не имел на баланс активов, а промышлял высоким процентом с махинаций в бизнесе, с финансовых выяснюшек, со сделок по договорённостям с